

РЫЖАЯ ШПИОНКА
ХАТШЕПСУТ

ТОМ I

ТИЯ
ТЕНЬ ЦАРИЦЫ

ОЛЕГ ГОЛИКОВ

Олег Голиков

**Рыжая шпионка Хатшепсут.
Том I. Тень Царицы**

«Автор»

2026

Голиков О.

Рыжая шпионка Хатшепсут. Том I. Тень Царицы / О. Голиков —
«Автор», 2026

XV век до нашей эры. Древний Египет. На троне слабый и безвольный фараон Тутмос II. Но реально правит страной его жена и одновременно сестра Хатшепсут. Они оба дети одного отца фараона Тутмоса I. На глаза царицы попадает необычная девочка Тия из простой семьи резчика ритуальных фигурок (ушебти) мастера Небамона. Хатшепсут, поняв, что перед ней девочка с необычными способностями, оставляет ее у себя во дворце. Но не просто в качестве прислуги, а с дальним прицелом на будущее уникальной девочки. Ей предстоит стать одной из самых влиятельных женщин своего времени, возле царицы-фараона.

© Голиков О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	5
ГЛАВА ПЕРВАЯ. Пыль и золото	5
ГЛАВА ВТОРАЯ. Дыхание камня	8
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Узор из шепотов	12
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Доклад	18
ГЛАВА ПЯТАЯ. Глина и шёпот	21
ГЛАВА ШЕСТАЯ. Караван в песках	24
ГЛАВА СЕДЬМАЯ. Три встречи Хапшетсут	27
ГЛАВА ВОСЬМАЯ. Свидетель	29
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ: Тропа к тайнику	32
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ: Уроки теней	36
ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ: Связной	39
ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ:	43
Пчелиная тайна и полый стилус	43
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Олег Голиков
Рыжая шпионка Хатшепсут.
Том I. Тень Царицы
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ГЛАВА ПЕРВАЯ. Пыль и золото

Воздух в узкой улочке городка Шет-ит был густым от пыли известняка и запаха кипарисовой смолы. Он затерялся среди таких же небольших поселений неподалёку от величайшего города — Фив. Солнце, уже нещадное даже ранним утром, прожигало белые стены домов. Восьмилетняя Тия, прищурившись, сидела на горячей каменной ступеньке у входа в мастер-

скую отца. Вместо щебета птиц её уши привыкли к другому хору: скрежету медной пилы по дереву, ровному стуку деревянного молотка и далёкому крику ослика на мельнице.

Пальцы девочки, покрытые тонким слоем той самой пыли, ловко обматывали тростниковым волокном рукоять отцовского резца. Её волосы цвета медной руды — рыжий оттенок, редкий для Египта, — выбивались из-под простого льняного платка. Рядом, свернувшись в тени глиняного кувшина, дремала кошка Бастет. Не «Бастер» — отец, хоть и простой ремесленник, учил дочь уважению: именем богини можно было только *нарекать*, но не коверкать его в будничной кличке.

Мысли Тии, как всегда, улетали дальше дыма очага. На днях через город проходил отряд маджаев, царских гонцов. Их кожаные доспехи пахли потом и чужими землями, а на перевязях поблёскивали амулеты в виде ладьи Ра.

Она тогда спросила отца, зажимая в руке грубую глиняную фигурку кошки:

— Папа, а правда, что Великая Супруга Амона царица Хатшепсут читает папирусы, как писец? И говорит на языке нубийцев?

Отец, чьё лицо было не по возрасту изрезано морщинами, улыбнулся и отложил резец.

— Правда, дитя моё. Но её путь освещён Амоном. Она дитя богов. Наш путь — земной. Мы творим форму из бесформенного, значит, тоже служим богам и выполняем их волю.

Тия кивнула, но в душе решила: служить можно по-разному. Она тайком тренировалась царапать знаки на обломках глиняных черепков, подражая письму.

Отец Тии, Небамон, был добросовестным ремесленником. Его ушебти (ритуальные фигурки) были красивыми, а амулеты точными. В них была правильность копии, выверенная поколениями.

Однажды, когда отец вырезал из кедровой щепы сокола для амулета Гора, у него не вышло крыло — дерево дало скрытую трещину.

— В печь эту неудачу, — вздохнул он, откладывая испорченную заготовку.

Тия подобрала щепку молча. Через какое-то время она протянула отцу не сокола, а цаплю. Из трещины, ставшей основой, вышли тончайшие линии — будто птица только что сложила крыло, готовясь к полету. Отец долго молчал, поворачивая фигурку в руках.

— Ты увидела душу дерева, дочка, — сказал он наконец. — Ты удивительно и легко делаешь такие красивые фигурки, что непременно превзойдешь меня в искусстве.

Заказ из дворца пришел неожиданно. Его принес храмовый служащий в белой тунике. Требовались ритуальные подношения для сада Амона: два десятка маленьких фигурок зверей и птиц из акации. Ими должны были украсить священную рощу. Работа была срочной и почетной,

Небамон трудился не покладая рук. Он старался, не досыпал, нервничал. Но его животные получались статичными, почти как детские поделки. Лев был грозен, но не жив, ибис — точен, но без изящества. Он чувствовал, что теряет магию материала, и это сводило ему пальцы судорогой.

— Нельзя опаздывать, — то и дело произносил он, — такой заказ... печать дворца... позор...

Тия видела, как дрожали его руки. Как падали со лба крупные капли пота. Отцу становилось всё труднее работать.

К третьей ночи Тия, чувствуя его отчаяние, подсела к нему с горстью мелких обрезков.

— Позволь мне, отец... Хотя бы куропаток и зайцев сделать.

Она не копировала отцовские наброски. Она брала кусок дерева, разглядывала его вес, текстуру, а потом резец сам будто находил в нем спрятанную форму. Её птицы готовы были вот-

вот вспорхнуть, у зверей в изгибах спины чувствовалась готовность к прыжку. Она инстинктивно вырезала не вид, а движение. В ее руках самый тонкий резец-хетеп легонько гладил фигурки и даже при свете масляной лампы получались аккуратные, будто птенчики, знаки. А на спинке одной из фигурок, там, где её не сразу заметит посторонний глаз, вырезала крошечный знак — символ львицы. Знак Сехмет, грозной защитницы. Свой тайный знак.

Через неделю после окончания работы в ворота постучал Хори, офицер дворцовой стражи, живший в доме по соседству, лицо его было непривычно серьезным.

— Мастер Небамон. Царица Хатшепсут осматривала подношения для сада Амона. — Он сделал паузу, глядя прямо на Тию. — Она остановилась у фигурок птиц. Долго смотрела. Потом спросила: «Чья рука дала этим тварям души? В них есть дыхание богини Маат — истины. Я хочу видеть мастера».

Отец остолбенел. Мастера Небамона будто окатили водой из Нила. Он смотрел то на Хори, то на дочь, чьи глаза стали огромными от ужаса и восторга. Он понимал: честь небывалая, но и риск велик. Приписать себе работу дочери — значит солгать фараону. Сознаться, что это дело рук девочки — бросить её в водоворот дворца, к которому они оба не готовы.

— Это... работа моей дочери, Ти, — тихо, но четко сказал Небамон, положив руку на её плечо. — Она очень талантлива.

Хори кивнул:

— Тогда готовьтесь. Царица хочет видеть вас обоих. Она ценит правду.

Дорога к Фивам пылила и слепила. Когда вдаль выросли пилоны храма Амона, сердце Ти замерло. Не от страха — от жажды увидеть мир, который раньше был лишь далёким золотом на горизонте.

Она не знала, что ждёт за этими стенами: милость или гибель. Но знала одно: обратной дороги к уютному скрежету резца по дереву уже не будет.

ГЛАВА ВТОРАЯ. Дыхание камня

Дорога к дворцу оказалась не просто путешествием, а посвящением в иной порядок вещей. Сначала их остановили у внешней стены стражи в шлемах с перьями сокола. Хори, ставший их проводником, что-то тихо сказал начальнику караула, кивнув на отца с дочерью. Тот оценивающе оглядел их простые льняные одежды, запыленные сандалии, и его взгляд на секунду задержался на медных прядях Ти. В его глазах промелькнуло нечто — не презрение, а холодное любопытство, словно он рассматривал диковинную птицу.

— Иди. Всё время прямо, — бросил он, отводя в сторону острие своего бронзового копья.

За внешней стеной дворца открылся иной мир. Воздух здесь пах не пылью и смолой, а прохладой полированного камня, ладаном и сладким ароматом лотоса из искусственных прудов. Звуки тоже изменились: вместо стука молотков — мерный шаг патрулей и приглушённый гул множества голосов.

Тя шла, едва переводя дыхание. Она не гладела по сторонам, как провинциал. Её взгляд, привыкший выхватывать суть формы, оценивал пространство: геометрическую чёткость колонн, идеальную гладкость стен. Но даже здесь она находила жизнь: трещинку в плитке, по которой полз муравей; едва заметный скол на цоколе сфинкса.

Их остановили у тяжёлой двери, инкрустированной бирюзой. Хори скрылся внутри.

Небамон стоял, сжимая в потных ладонях льняной мешочек. В нём лежали фигурок из «тайной коллекции» Ти.

— Если она спросит про душу дерева, — шептала Тя в дороге, — то должна увидеть и мою.

Дверь открылась беззвучно. Из помещения пахло прохладой и ароматом мирры. Хори кивком пригласил их войти.

Зал был небольшим, но от этого казался еще значимее. Солнечный свет падал сквозь узкие окна ровными пыльными столбами. На стенах — фрески с кораблём Солнца. В конце зала на простом кресле из красного дерева сидела Хатшепсут.

На ней был одет непарадный белый калазирис, через который угадывались грациозные очертания фигуры молодой женщины. На ее гладко убранных волосах — простая диадема с уреем, золотой коброй, символом власти.

Небамон пал ниц, потянув за собой дочь.

— Встаньте, — голос царицы был низким, ровным, без ожидаемой дворцовой сладости. — Ко мне пришли не рабы, а творцы.

Они поднялись. Тия встретила взглядом с царицей всего лишь на мгновение, но этого хватило. Глаза царицы — большие, темные и невероятно спокойные, без надменности, в них горел внимательный, цепкий интерес. Взгляд мастера, оценивающего редкий материал.

— Показывай всё, что принёс, мастер, — велела царица отцу.

Тот высыпал содержимое на столик из слоновой кости. Среди добротных работ Небамона тут же выделялись три фигурки: шакал с хитрым глазом, бегемотик с грустной линией спины и бабочка с тончайшими крыльями.

Хатшепсут взяла в руки сначала шакала. С легкой улыбкой осмотрела. Потом бегемота. Палец с коротко остриженным ногтем (не как у знатных дам!) провел по спине животного, ощупывая каждую линию.

— Ты говоришь, это сделала девочка?

— Да, Повелительница. Моя дочь, Тия. Ее руки... они видят иначе.

— Видят смысл, — поправила его Хатшепсут.

Она подняла глаза на Тию:

— Почему шакал хитрый? Ты видела много шакалов в Шет-ит?

Тия проглотила комок в горле. Голос прозвучал хрипло от волнения:

— Нет, Великая Царица. Но я видела старуху-торговку финиками. У нее были такие же глаза — острые и нечестные.

В зале на секунду повисла тишина. Потом в уголках губ Хатшепсут дрогнули едва заметные морщинки — намек на улыбку, которую не выпускали наружу.

— А бегемот? Он же силен и грозен. Почему же твой такой грустный?

— Потому что он один, — тихо ответила Тия. — Он большой, и ему тесно. В его силе нет радости.

Хатшепсут отложила фигурку. Ее взгляд стал еще пристальнее.

— Ты вырезала львицу на подношение для сада Амона. Ты использовала знак Сехмет. Это может разгневать жрецов.

Тия не растерялась.

— Знак нужен, чтобы защитить. Львица ведь защитница фараона. Я... я хотела, чтобы дух защиты перешел в сад, и чтобы он охранял всё важное.

— Ты решила за богов? — голос царицы стал тише, но в нем появилась стальная нить.

— Нет. Я... попросила их о помощи через знак, — нашла Тия.

Хатшепсут откинулась на спинку кресла. Ее взгляд скользнул по испуганному лицу Небамона, потом вернулся к Тие.

— Учись выбирать слова, девочка. При дворе это, пожалуй, самое важное качество. Каждое слово здесь может стать либо ступенью вверх, либо приговором и ямой. Но за искренность я тебя карать не стану.

Она сделала знак слуге. Тот принес небольшую коробку и открыл крышку. Хатшепсут вынула кусок темно-синего необтесанного камня — лазурита.

— Что ты видишь в нем? — она протянула камень Тию.

Тия взяла тяжелый холодный камень из рук Хатшепсут. Внутри, в глубине синевы, виднелись тонкие золотые прожилки пирита.

— Жизнь, — выдохнула она. — Спрятанное дыхание. Чьи-то глаза... Они пока закрыты и не могут видеть.

Хатшепсут легко кивнула. В ее глазах вспыхнул огонёк принятия родственной души.

— Твоя дочь умна и у неё есть способность видеть больше остальных, — обратилась она к Небамону, — Это бесценный дар богов. Такое свойство людям посылается единожды на поколение. Мое решение таково: девочка останется здесь, рядом со мной. Ей создадут условия для обучения. Это касается не только резьбы. Она научится читать, писать, танцевать, она узнает чужие языки. Тия будет служить в моих покоях.

Небамон лишь глухо кашлянул, сжимая и разжимая кулаки. Было понятно, что это приказ, а не предложение.

— Так вот, Тия, — царица посмотрела на девочку. — Камень этот твой. Когда сможешь почувствовать в нём чью-то душу и освободить её, — придешь и покажешь мне. И навсегда запомни сегодняшнее чувства страха и любопытство. Они тебе много раз пригодятся.

Прощаясь с отцом, в сумеречном свете коридора, Тия сжимала в кармане платья холодный синий камень. Отца вывели, тяжелая дверь за ним закрылась. А её путь отныне пролегал

сквозь каменные стены, в самый центр лабиринта с названием «власть». И ее проводником стала женщина, которая увидела в ней не служанку, а союзницу по самому опасному ремеслу — искусству властвовать.

Так начиналась не служба, а ученичество. И первым заданием было не вымыть пол, а понять душу камня.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Узор из шепотов

Год жизни во дворце научил Тию многому. Она выучила сорок иероглифов, могла отличить запах мирры от кедра в курительницах и знала, что тяжелые портьеры в зале аудиенций приглушают не только звук, но и правду. Её главной обязанностью было прислуживать Хатшепсут во время утренних омовений и вечерних молитв, а также — что было её тихой радостью — поддерживать порядок в небольшой нише, где царица хранила личную коллекцию статуэток. Там, среди фаянсовых божеств и лазуритовых скарабеев, стояли теперь и её, Ти, ранние работы: тот самый грустный бегемотик и бабочка. Это был знак доверия.

Но была и другая работа — негласная. Вельможи, зная о «девочке с золотыми руками», начали заказывать у неё через отца амулеты и ушебти (погребальные статуэтки). Через эти заказы Тия видела неровности в идеальной поверхности двора. Некоторые заказы, которые можно было назвать странными, они вызывали вопросы.

Так, генерал Нехси, командующий южными армиями, заказал ушебти не с обычными мотыгами, а с бронзовыми короткими мечами гиксосского типа. «Для загробных битв», — усмехнулся его слуга. Но в его глазах не было веры в загробное.

Писец Танефер, приближенный верховного жреца Амона, принес для «освящения» амулет с изображением овна Хнума — бога-гончара, создающего людей. Но камень был странно тяжелым, а на обратной стороне, под слоем эмали, пальцы Ти нащупали едва заметную полость.

Фараон Тутмос II был всего лишь тенью на троне. Тия видела его один раз, когда несла Хатшепсут свежие лотосы. Он сидел у окна, обложенный подушками, и его тонкие пальцы перебирали нити восковой таблички, но не писали. Его взгляд был устремлен куда-то внутрь себя, в пустоту, которую не могли заполнить ни целители, ни жрецы. Тия почувствовала к нему острую жалость, как к своему грустному бегемоту.

Но настоящая мозаика сложилась из, казалось бы, разрозненных осколков.

Во-первых, два нубийских вождя-медаия (заложника при дворе) слишком оживленно смеялись с капитаном стражи у садовых ворот. На шее у одного болтался амулет — не египетский уджат, а стилизованный топор, символ гиксосского бога войны Сутеха.

Во-вторых, младший жрец Амона, разносящий утренние приношения, задержался у покоев Тутмоса II не на минуту, а на десять. И вышел не с пустыми руками, а аккуратно неся сверток, по форме напоминающий... тубус для папируса.

В-третьих, на кухне, где Тия иногда брала обрезки для кошки Бастет (теперь жившей в её скромной комнатке), повар-финикиец прокричал через окно товарищу: «*Скоро кастрюли зазвонят громче меди!*». А потом, увидев Тию, резко оборвал речь и принялся яростно молоть зерно.

Эти вещи, возможно, были обычными у тех, кто долго жил или гостил во дворце. Но для Ти это были не просто непонятные ей разрозненные мелочи, а странные непопадания в общепринятый порядок вещей. Эти происшествия как змеи сплетались в один ядовитый клубок и почему-то одновременно. И её наблюдения и сомнения не остались незамеченными.

Первый знак пришел через отца. Небамон, привезший новую партию дерева, был бледен.

— Ко мне приходили незнакомые люди, дочка. Как мне показалось, из дворцовых обитателей. Спрашивали, не болтлива ли ты. Говорили, что у дворцовых стен есть уши, а у слишком зрячих служанок... короткая жизнь. — Он сжал ее руки. — Будь как рыба. Молчи обо всём, что увидела или услышала.

Второй знак был прямее. Возвращаясь поздно из мастерской (она вырезала по ночам, чтобы не терять навык), Тия почувствовала, что за ней идут. Не мерный шаг стражи, а мягкий, крадущийся шорох сандалий по плитам. Она свернула не в свою сторону, а к шумным покоям

прачек, потерялась в облаках пара и выстиранного льна. Но на следующее утро на пороге её комнаты лежаладохлаямышьс переломаннойшеей. Язык угрозы был понятен.

Страх сковал её, как ледяная вода. Она была одна, чужая, чересчур заметная из-за своих рыжих волос. И тогда, движимая инстинктом загнанного зверька, она совершила отчаянный поступок. В разгар дня, когда Хатшепсут принимала доклад от казначея, Тия, дрожа всем телом, проскользнула за портьеру и упала ниц прямо у ног царицы, пролив кувшин с розовой водой.

Гул в зале смолк. Казначей осекся. Тия чувствовала на себе тяжелые взгляды стражей, готовых схватить наглую служанку.

— Встань, — голос Хатшепсут был ледяным. — Объясни этот беспорядок.

Тия подняла голову. Она не смотрела на других, только на царицу. И прошептала так тихо, что услышала только та, кому эти слова предназначались:

— Повелительница... я видела узор овна с пустотой внутри. Топор Сутеха на шее медайя. И тень у покоев фараона. Узор... он ведет к яме. И я следую за ним.

Лицо Хатшепсут не дрогнуло. Лишь веки чуть прикрыли темные глаза на мгновение. Она повернулась к казначею.

— Мы закончили. Выйдите все.

Когда зал опустел, она не стала поднимать Тию. Она обошла её кругом, как когда-то рассматривала фигурку.

— Ты говоришь о заговоре. Доказательства?

— Нет доказательств. Есть... форма. Как в дереве. Она складывается, — выдохнула Тия.

— И кто, по твоей «форме», в центре узора?

— Тот, кому выгодна слабость фараона и... ваша гибель, — рискнула Тия.

Хатшепсут медленно кивнула. Она знала, о ком речь. Верховный жрец Амона. Старец с лицом сухого пергамента и глазами молодого крокодила.

— Ты боишься?

— До смерти, — честно призналась Тия.

— Хорошо. Страх делает тебя осторожной. Ты хочешь служить? Не глиной и деревом, а глазами и ушами?

— Я хочу... выжить. И чтобы выжил отец. А служить я умею только тем, что вижу.

— Тогда вот твое первое задание, — Хатшепсут подошла к столу, окунула кисть в чернила и быстрыми штрихами начертала на обрывке папируса знак плывущей рыбы. — Сегодня, после захода Ра, к южным воротам придет человек. У него будет такой знак на правом наплечнике. Ты проследишь, куда он пойдет после передачи посылки стражнику. Узнай, чей это дом. Смотри, не попадись. — Царица поднесла папирус к огню лампы. Кусочек со странным знаком быстро превратился в пепел.

Тия почувствовала, как её судьба теперь привязана к воле этой совсем еще молодой женщины на троне. Как удивительная сила воли царицы, ее сверхъестественная жажда власти распространяется на всё и всех, кто её окружает.

Ночь выдалась безлунной и прохладной. Укутавшись в темную накидку, Тия спряталась в тени колоннады рядом с дворцом. Ей не пришлось долго ждать. Совсем скоро она увидела, как высокий мужчина с рыбой на наплечнике передал одному из стражников небольшой мешочек (не звенел, значит — не монеты, а, возможно, самоцветы или печати). Сразу после передачи высокий быстрым шагом направился к казармам нубийских наемников.

Тия, как кошка, скользила за ним, запоминая каждый поворот. Мужчина вошел в одну из дверей казармы, откуда тут же донесся смех и звон кубков. Девочка, прижавшись к стене, замерла. И тогда дверь снова открылась. На порог вышел не связной, а сам капитан нубийской стражи, могучий воин по имени Кадеш. Он потянул носом воздух, как зверь, и его взгляд, острый и пронзительный, устремился прямо в её сторону.

— Кто там? — прозвучал его низкий голос, и в нем не было вопроса, а была уверенность, что кто-то есть.

Тия не стала проверять. Она рванула с места, как заяц, услышавший лай псов. Она мчалась по темным коридорам, не разбирая пути, лишь бы подальше от того места. Сердце стучало в висках.

Тия была почти у своей двери, когда из ниши выступила тень. Сильная рука схватила ее за плечо и резко развернула. Медные густые волосы Тии выскользнули из-под платка и рассыпались по плечам. Напавший египтянин был мускулистый, с невероятно худым лицом и холодными глазами. В его другой руке блеснуло лезвие.

— Слишком любопытная птичка, — прошипел он.

Инстинкт и навыки резьбы по твердому дереву сжали ее руку в кулак. Она не стала бить — просто ткнула. Тем самым острым резцом-хетепом, который всегда носила с собой. Острие вошло в мягкую ткань предплечья мужчины. Он ахнул от неожиданной боли и ослабил хватку. Тия вырвалась, влетела в свою каморку и заперла засов.

Она сидела на полу своей комнатки, обняв колени, вся дрожа. На полу у порога, где она уронила свою накидку, лежал обрывок чужого папируса. И рядом — не её резец, а чужой кинжал с рукоятью из черного обсидиана, выпавший из рук нападавшего.

Тия подняла клинок. На лезвии у основания был выгравирован крошечный, почти невидимый знак: крылатый диск — символ не просто солнца, но личной защиты фараона.

Кинжал принадлежал не жрецу. Не нубийцу. Он принадлежал кому-то из очень близкого окружения Тутмоса II. Или тому, кто хотел, чтобы все так подумали.

Тия поняла главное: она кому-то очень сильно мешает. Теперь её единственной защитой были события, свидетельницей которых она стала, и женщина на троне, которой эта правда была нужна.

На рассвете она должна будет принести Хатшепсут не только вести, но и этот кинжал. И этот отчет станет первым шагом в настоящую жизнь, где её резцу постоянно придется сталкиваться не с деревом или камнем, а с плотью и кровью. Главное, дожить до рассвета.

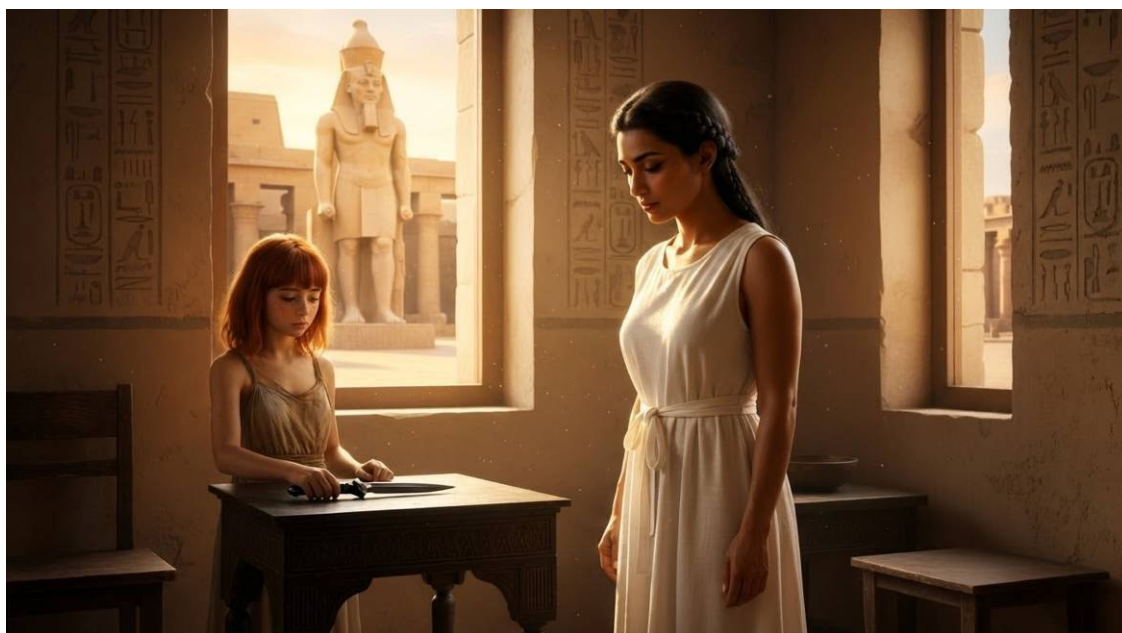
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Доклад

Ночь не принесла Тие сна. Она то сидела на циновке, то пыталась уснуть на своей кровати, укутавшись накидкой, но то и дело взгляд останавливался на двух предметах, лежавших на полу. Справа лежал её собственный хетеп, на острие которого засохла бурая капля чужой крови. Слева — чужой кинжал с черной рукоятью, холодный и тяжелый. Знак крылатого диска на его лезвии теперь казался ей не загадкой, а угрозой.

Она мысленно повторяла всё, что видела и слышала, боясь, что страх сотрёт детали, как ветер стирает следы на песке: звон кубков из казармы нубийцев, профиль Кадеша в дверном проёме, шипение нападавшего: «Слишком любопытная птичка». Она и была этой маленькой, яркой, чужой в каменной клетке дворца птичкой. И на неё уже открыли охоту.

Когда первые лучи солнца Ра позолотили верхушки пилонов, она завернула кинжал в тряпицу, спрятала на боку под платьем и, глубоко вдохнув, вышла из комнаты. Ей предстояло пройти через длинный узкий коридор, ведущий из покоев прислуги через несколько более широких и светлых помещений для знатных гостей в покои хозяев дворца.

Девочке казалось, что дворец сегодня проснулся иным — не величавым, а настороженным. Она шла довольно быстро, семена бесшумным шагом и не склоняя головы. Взгляды стражей, обычно скользящие мимо, теперь будто задерживались на её рыжих волосах на мгновение дольше. Служанки, несшие корзины с бельём и продуктами, замолкали, когда она проходила. Весть о ночной погоне, словно запах дыма, уже разошлась по служебным коридорам. Тия шла, выпрямив спину, как учил отец: «Если боишься — не сутулься. Страх сжимает, а сила распрямляет».

Стражник провел Тию в покои Хатшепсут. Царица ожидала не в парадном зале, а в маленьком, утреннем кабинете. Она стояла у узкого окна, глядя, как солнце заливает светом гигантские статуи её отца, Тутмоса I. На ней не было диадемы, только простое льняное платье без рукавов, и в этой аскетичности была та же сила, что и в отцовских изваяниях.

— Ну? Тебе не было назначено, — обернулась она, не тратя слов на приветствие. Её глаза, казалось, уже прочитали на лице Тии всю прошедшую ночь.

Тия развернула тряпицу и положила кинжал на низкий столик из слоновой кости. Лезвие звякнуло о поверхность.

— Он был у того, кто напал, — молвила она, — Со знаком крылатого диска.

Хатшепсут не протянула руки к оружию. Она лишь склонила голову, изучая его, как когда-то изучала её фигурки.

— Продолжай.

И Тия начала рассказывать. Голос сначала дрожал, но по мере того, как она вспоминала детали, и тяжесть мешочка в руках связного, и топор Сутеха на шее нубийца, и фразу сирийского повара о «медном звоне», он крепчал. Тия не давала оценок, не строила догадок. Она просто приводила факты, представляя события ночи как затейливый узор из разноцветных камешков. Без приукрашиваний и переходов на второстепенные детали. Завершила она рассказом о Кадеше, нубийском капитане, чей нюх учуял её в темноте.

— Он не просто стражник, — выдохнула Тия. — Он колдун, и он ждал. Как охотник у водопоя.

Хатшепсут медленно прошла по комнате. Её лицо было спокойным, но в уголках губ играла тонкая, напряжённая усмешка.

— Ты все сделала правильно. Но ошиблась лишь в одном, девочка. Это не один узор. Их два. Один грубый, из нубийской стали и гиксосского золота. Другой... изящный, отточенный, как этот кинжал. И второй — опаснее.

Она остановилась перед Тией.

— Крылатый диск. Его мог носить любой из царской охраны. Или... тот, кто хочет, чтобы мы подумали на охрану. Чтобы раскол пошёл между мной и теми, кто должен защищать трон моего мужа.

Тия поняла, как много она не понимает. Она видела форму, но не глубину. Хатшепсут видела слои, как видит мастер отмечает круги древесины.

— Что мне делать, Великая?

— Главное, что ты уже сделала, осталась живой. А ещё принесла вести, — ответила царица. Её взгляд упал на засохшую кровь на резце Тии. — Ты смогла постоять за себя. Не многие девочки в твоём возрасте могут этим похвастаться. Но теперь ты должна стать ещё менее заметной. И ещё более зрячей.

Она подошла к ларцу и достала оттуда небольшую фаянсовую подвеску в виде уха.

— Это символ божества, слушающего молитвы. Носи его. Для всех ты — моя новая любимца, девочка-талисман, которой царица благоволит за искусные руки. Так должны думать все вокруг. А твои же глаза и уши должны быть открыты. Наблюдай, кто слишком часто смотрит на этот амулет. Кто пытается тебя одарить, подкупить, задобрить. Кто спрашивает тебя о моём настроении, о том, какие папирусы я читаю.

Царица положила прохладную подвеску в ладонь Тии.

— А насчет кинжала... мы ответим. Но ты должна быть начеку. Испытывать судьбу и милость богов не стоит.

Она позвала старшего слугу и что-то быстро прошептала ему на ухо. Тот, кивнув, взял кинжал и бесшумно удалился.

— Тебе надо отдохнуть, — сказала Хатшепсут Тии, — её голос впервые прозвучал властно, — Иди и сделай вид, что ничего не произошло. Займись статуэтками. Вырежи что-нибудь... безобидное. Цветок. Птицу. Пусть все видят тебя за работой. Кстати, где тот камень, который я тебе подарила?

— Скоро я верну его вам, царица, — Тия вышла, сжимая в потной ладони фаянсовое ухо. Она обиженно чувствовала себя не шпионкой, а приманкой. Яркой, рыжей приманкой, которую выбросили в мутные воды дворцового пруда, чтобы посмотреть, какая хищная рыба клонет первой.

Весь день она старалась следовать приказу. Сидела в своей комнате возле окна, обрабатывала заготовку из акации, пытаясь вырезать лотос. Мысли путались, получалось все из рук вон плохо. Пальцы помнили совсем другое, например, форму кинжала и жесткость удара. И глаза, против её воли, продолжали видеть бледное лицо из темноты. Теперь она замечала, как взгляд верховного жреца Амона, проходящего по галерее, на миг задержался на её новом амулете-ухе. Как один из писцов Танефера «случайно» обронил рядом с ней свиток, испещрённый странными, не похожими на египетские, знаками. Как нубиец Кадеш, стоявший на посту, проводил её долгим, неотрывным взглядом, в котором не было злобы. Было любопытство хищника к диковинной добыче.

К вечеру по дворцу пополз слух. Будто в покоях самого фараона Тутмоса II была совершена кража, там пропал заговоренный перстень. И будто бы этим же вечером стража, обыскивая дворец, нашла его... в сундуке младшего жреца из храма Амона, того самого, что слишком долго задерживался у покоев фараона.

Тия теперь понимала, что это была изящная, мало прикрытая месь Хатшепсут. Не прямое обвинение в покушении, а мелкая, унижительная кража, бросающая тень на весь жреческий клан. И ясно дающая понять: «Я вижу ваши шаги. И могу наступить вам на пятки».

Тия начала понимать правила игры. Здесь не рубят с плеча. Здесь подрезают сухожилия, чтобы враг споткнулся и упал сам.

Лёжа в темноте, она прикасалась пальцами к резцу под подушкой и к холодному фаянсу амулета на груди. Она была уже не просто девочкой из Шет-ит. Она стала глазами и ушами Хатшепсут. И первый урок, который она выучила сегодня, был таким: во дворце и при дворе фараона можно выжить, только если видишь не только движения людей, не просто слышишь их слова, а чувствуешь их желания, угадываешь их мысли. Важно еще, чтобы у тебя хватало смелости быть живой деталью в сложной, смертельно опасной интриге.

ГЛАВА ПЯТАЯ. Глина и шёпот

Слух о найденном перстне стал каплей яда в медовом сосуде придворного спокойствия. Никаких открытых обвинений не последовало, но младшего жреца Амона «отправили для очищения» в отдалённый храм в пустыне, где он неожиданно умер от лихорадки. Это был пробный удар Хатшепсут, он не был жестоким, но неожиданно болезненным, показывающим жречеству, что её рука может достать даже в святая святых.

Для Тии эти несколько недель стали временем странной двойной жизни. Снаружи она была «маленькой Уджат» — так её теперь называли в покоях служанок, по имени божественного уха-амулета, который она теперь носила. Царица публично одаривала её ласковыми взглядами, позволяла сидеть у своих ног во время чтения молитв, и даже подарила ей тонкий браслет из синего фаянса. Это была часть легенды: юная, невинная служанка, чей талант радует сердце Великой Супруги.

Но по ночам, в свете единственной масляной лампы, Тия записывала на обрывках глиняных черепков всё, что её «новые» глаза и уши улавливали за целый день. Во-первых, статуэтка для генерала Нехси — лев с поднятой лапой. Но в лапе — не шар, а выемка. Подходит для... подачи тайного знака? Во-вторых, писец Танефер несколько раз спросил о здоровье фараона. Слишком часто. Слишком мягким голосом. Глаза при этом смотрели не на меня, а на двери в покои Хатшепсут. В-третьих, нубиец Кадеш сегодня не смотрел. Игнорировал. Но когда я проходила, его рука непроизвольно легла на рукоять меча. Привычка к опасности? Или знак, что я ею стала?

Она училась читать паузы между словами, чувствовать дрожь в руках, подающих чашу, излишнюю старательность тех, кто хочет казаться милым. Это была резьба по живому, не по дереву, и каждый штрих отзывался странной догадкой.

Перелом наступил, когда к ней «по-дружески» заглянула старшая служанка из покоев царицы-матери Яхмос, вдовы Тутмоса I и матери Хатшепсут. Женщина принесла «угощение для талантливой девочки» — сладкие финики в меду. И между делом обронила:

— Старая госпожа моя так тоскует по внукам... Сын-то её, наш Повелитель Двух Земель, слаб здоровьем. А дочь... — она многозначительно вздохнула, — дочь вся в государственных заботах. Хоть бы маленькая радость в покоях появилась, дитя чьё... Ходят слухи, будто сам Амон-Ра благословил одно из скромных семейств на рождение особого чада... может, с необычными знаками? Например, с волосами цвета рассвета...

Тия застыла, глядя на служанку. Это была первая попытка не утратить, а купить. Или, что хитрее, — использовать её как инструмент в другой игре. «Особое чадо» с рыжими волосами могло стать предсказанным «знамением» в чьих-то руках — либо осквернением, либо «даром богов» в борьбе за влияние на царицу-мать.

Она поблагодарила, сделала вид, что не поняла намёка, и отнесла финики в трапезную комнату и оставила на столе.

На следующее утро, когда Тия поправляла цветы в вазе у Хатшепсут, она тихо, на ухо, передала госпоже свои подозрения. Царица, не меняя выражения лица, проговорила шепотом:

— Мать моя — преданная служительница Амона. И у неё слабость к пророчествам, которые сулят славу нашему дому. Кто-то решил сыграть на этом, используя тебя как краску для своей фрески. Не дай себя использовать, Тия. Ты умная девочка, и от тебя самой зависит ответишь ли ты нависшую над нами беду. Если они не могут тебя присвоить, они попытаются устранить.

Этот тихий шепот был страшнее угроз кинжалом. Здесь опасность была одета в улыбки и похвалы.

Именно тогда из пограничной крепости в Шарухене (последнем оплоте гиксосов в Палестине) прибыл гонец. Пришло известие, которое неприятно всколыхнуло дворец. Весть была неожиданной и тревожной. Местные правители, недавно приведённые к присяге, вдруг перестали платить дань. И пошли слухи о том, что в горных долинах вновь замечают конные дозоры и всадников на быстрых колесницах, чьё вооружение и тактика уж больно напоминают гиксосские.

Во дворце нарастало беспокойство. Даже по тому, как быстро был созван Совет чувствовалось напряжение. В большом зале без окон, освещаемом лишь масляными лампадами, присутствовали в основном военачальники, жрецы и приближенные фараона. Тию, по воле Хатшепсут, поставили подле нее в тени колонны. Она значилась как приближенная царицы «служительница с благовониями». Девочка стояла, с курильницей в руках, мешочком с травами через плечо и наблюдала, не двигаясь.

Она видела Тутмоса II, который сидел на троне, бледнее обычного, будто восковая фигура. Фараон все время поворачивал голову направо, глядя в глаза Хатшепсут. Собравшиеся говорили громко. Впервые прозвучало слово «война».

— Сегодня гиксосы обескровлены. У них нет сил. Ни на что-то серьезное они не способны. Да, и вряд ли посмеют на нас напасть. А всех, кто так или иначе причастен к нарушению договора — немедленно покарать! — гремел начальник войска Нехси, и его глаза горели гневом и азартом. Его пальцы барабанили по ножнам короткого меча.

— Поспешность — сестра поражения, — парировал Верховный жрец Менхеперра, его голос был сладок, как забродивший финиковый сок. — Возможно, это лишь испытание, ниспосланное Амоном, чтобы проверить нашу мудрость. И... крепость духа нашего повелителя. — Его взгляд скользнул по безучастному фараону. — Нужны дары богам и молитвы, они укажут решение. Не далее, чем сегодняшней ночью будет проведен обряд и принесены жертвы богу Монту.

Герой войны с гиксосами, славный полководец Ахтой призывал не придавать значения противоречивым сведениям с границы. Дескать, это все слухи, а опытные разведчики молчат, от них нет докладов.

И тогда заговорила Хатшепсут. Она не встала со своего места рядом с фараоном. Говорила сидя, глядя только в глаза Тутмоса II. Её голос заполнил зал, ровный и звонкий, как течение Нила.

— Шарухен — заноза в теле Египта. Именно там происходят странные вещи, о которых нам докладывают лазутчики. Движение денег и оружия, воинов и работоторговцев. Но выдерживать её сейчас, пока мы не знаем глубины, — значит рисковать заражением всей страны. Нам не надо сейчас посылать армию. Мы пошлём глаза... И уши. За данью пойдет не отряд копейщиков, а торговый караван с малой стражей. Но в этом караване поедут те, кто сможет разглядеть, что кроется за отказом от уплаты нам нашего золота: чья воля, чье оружие и чьи обещания.

Её план был прост и дерзок. Это был не отказ от силы, а её применение в иной, тонкой форме. И Тия, слушая, вдруг с леденящей ясностью понимала: Хатшепсут искала своего человека для этой миссии. Кого-то незаметного, наблюдательного, чужого для тамошних правителей.

Взгляд царицы, скользнувший по лицу Ти, был красноречивее любых слов. В нём был вопрос, приказ и предчувствие беды одновременно.

После совета Хатшепсут задержала её.

— Ты слышала, девочка. Нужны глаза и уши там, где всё покрыто песком и ложью. — Она помолчала. — Твой отец... его мастерская поставляет амулеты для торговых караванов на север. Он мог бы получить выгодный заказ на обереги для такого почетного каравана.

Тия почувствовала, как пол уходит из-под ног. Отец. Его тоже втягивали в эту игру, делая прикрытием.

— Я... я поеду с ним? — выдохнула она, уже зная ответ.

— Ты — его глаза и руки, разве не так? — Хатшепсут положила ей на плечо холодную, тяжёлую руку. — Ты вырежешь амулеты для охраны. А заодно... посмотришь, кто в Шарухене действительно боится гнева фараона, а кто ждёт иного господина. Это будет твоим вторым заданием, Тия. И первым выходом за стены, где тебя многие знают в лицо.

Это был новый шанс без выбора. Убежать от опасности здесь, чтобы встретить её в чужой, враждебной земле. Но в то же время возможность действовать, а не просто наблюдать.

Той ночью Тия не записывала на черепках. Она взяла в руки кусок мягкой глины и начала лепить амулеты в виде пчел. Кошка Бастет устроилась рядышком, наблюдая за ней желтыми глазами. Тия изредка поглаживала её по голове.

— Нам с отцом предстоит долгий путь, сестра, — прошептала она. — И мы должны вернуться. Не боишься остаться одна? Смотри мне, мы обязательно вернёмся.

Она больше не была просто шпионкой при дворе. Теперь ей предстояло стать разведчицей в поле. И следующий этап её обучения начинался не в тенистых дворах Фив, а под палящим солнцем чужой земли, где каждый шаг мог стать последним, а каждое увиденное лицо — лицом врага.

ГЛАВА ШЕСТАЯ. Караван в песках

Известие о поездке в Шарухен повергло Небамона в немой ужас. В мастерской, пропахшей древесной пылью, глиной и пальмовым клеем, он сжимал голову руками.

— Это ловушка, дочка! Нас отправляют на верную смерть! Шарухен — змеиное гнездо! Там нет власти, там до сих пор стены помнят песни гиксосов!

Тия впервые за долгое время вновь чувствовала себя не ученицей из дворца, а просто дочерью. Она взяла натруженные руки отца в свои маленькие ладошки.

— Это наш шанс, отец. Шанс для тебя — получить заказ от самого дворца, который поднимет нашу семью навеки. И... это приказ Царицы. Отказаться — значит оскорбить её. А её гнев намного страшнее гиксосских стрел.

Она не сказала главного: что этот «шанс» — лишь прикрытие для её настоящей миссии. Горечь от этого мучила её.

Подготовка стала их новой совместной работой. По указанию Хатшепсут, Тия получила доступ к дворцовым запасам. Она выбирала материалы не только как художник, но и как лазутчик. Тия разглядывала воск для оттисков печатей, тонкие пластинки сланца для тайных записей, порошки разных оттенков охры, чтобы смешивать краски и... отмечать пути.

Отец, погружённый в своё ремесло, видел только заказ: пятьдесят амулетов Уджат для охраны каравана. Тия же взяла сделанные ранее три амулета в виде пчел (символ Нижнего Египта, чьи земли захватывали гиксосы) и шакала (Анубис, проводник в чужих землях). Она что-то перекладывала с одного места на другое, ходила из комнаты в комнату — просто чтобы занять себя чем-то, чтобы отвлечься и стряхнуть с себя переживания и мысли об предстоящем путешествии.

Перед самым отъездом её призвали в покои Хатшепсут. Но вместо кабинета Тию провели в заброшенную часть сада, у старого полуиссохшего дерева.

— Смотри, — царица указала на треснувший ствол. — Он кажется мёртвым. Но под корой ещё течёт сок. Так и в Шарухене. Ищи тех, в ком течёт сок верности Египту, а не тех, кто громче всех кричит о верности. — Она протянула Тию маленький бронзовый стилус полый внутри. — Это для писем. Если попадешь в беду, сломай его. Внутри — папирус с печатью, требующий твоего освобождения как слуги фараона. Но используй только в крайнем случае, когда шансов выжить не останется. Никто не должен понять, кто ты.

К радости Тию, их сосед и добрый знакомый Хори был назначен одним из офицеров охраны и тоже шел с караваном.

— Держись рядом с повозками, девочка, — сказал он сурово, и в его глазах читалась тревога. — Пески умеют поглощать не только следы. И... следи за отцом. Он у тебя слишком... творческий.

Дорога на север была испытанием сама по себе. Бескрайнее солнце, выжигающее мысли, ветер, несущий колючий песок, и ночной холод, пробирающий до костей. Но для Тию это была еще одна школа. Она училась читать следы на песке: вот прошёл отряд налегке, вот волочили тушу, здесь отдыхали всадники. Её глаза, после закоулков дворца на поиске намёков, теперь разглядывали далекий горизонт, отмечая неестественные тени, блеск металла вдали и звуки ветра.

Караван двигался медленно. Среди охраны, помимо египтян, был и отряд нубийских лучников под командой могучего капитана Кадеша, которого Тия подозревала во всем абсолютно, но он оказался добрым и отзывчивым великаном. Из-за этого он не устаивал девочку взглядом, но Тия видела, как он улыбался. Сейчас же его люди старались не поворачивались спиной к гиксосским купцам, встроившимся в караван. Недоверие было взаимным и висело в воздухе, как запах грозы.

Однажды ночью, когда все спали, Тия выбралась из шатра. Её манил шепот — тихий, напряжённый разговор у коновязи. Она, как тень, прильнула к тени повозки.

— ...сказал, что золото придёт не с дани, а с первыми кораблями, — доносился голос на ломаном египетском. Голос одного из гиксосских торговцев.

— Мои люди готовы, — ответил другой, низкий голос, который она узнала. Это был голос египетского погонщика ослов, тихого и незаметного человека. — Ворота будут открыты в ночь, когда луна скроется за грозовой тучей. Только убедитесь, что «груз» будет на месте.

Тия затаила дыхание. «Груз». Оружие? Наёмники? Она не расслышала больше, погонщик и купец разошлись. Но у неё теперь было первое звено: предатель внутри их же каравана.

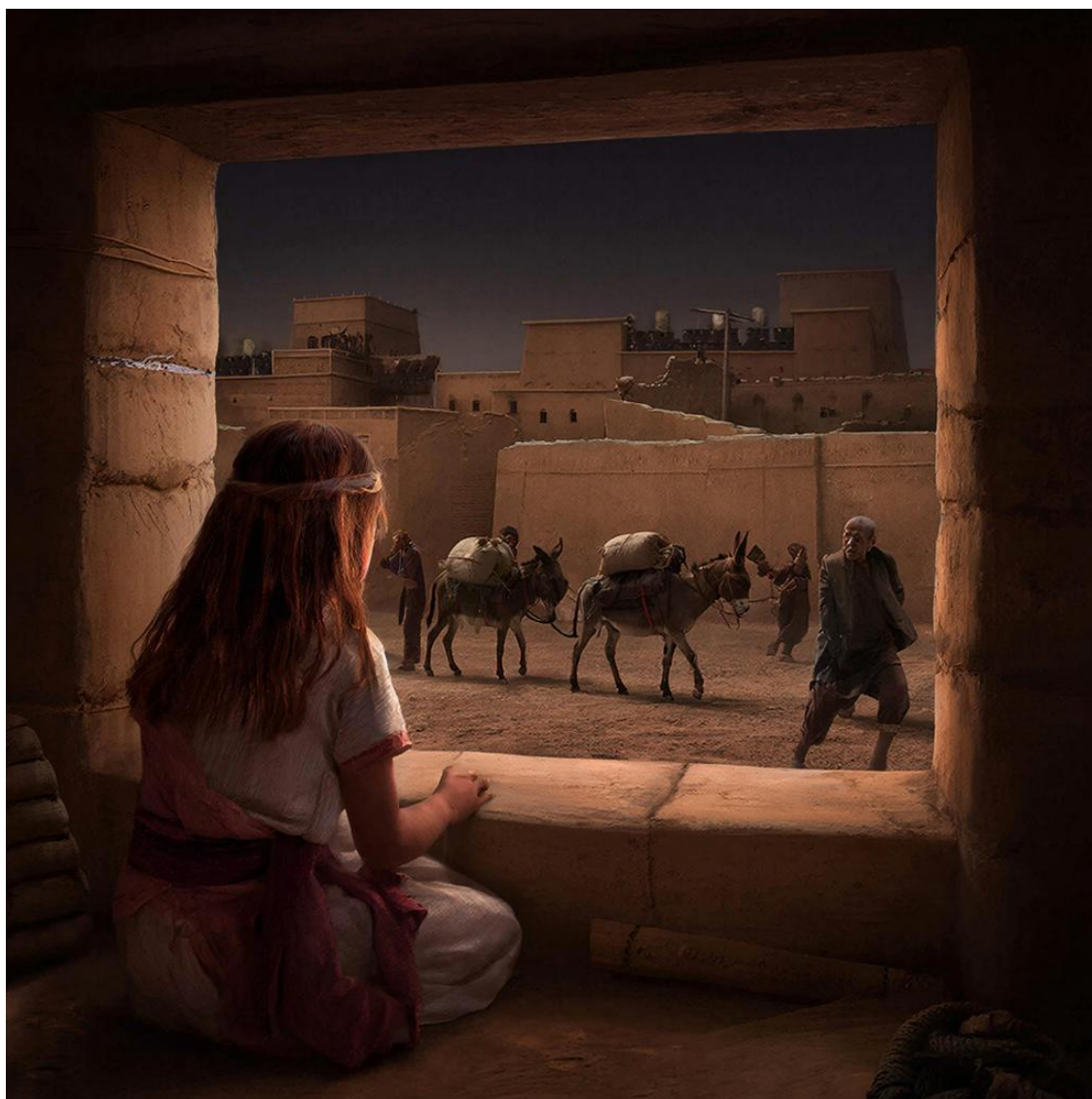
Наутро она рассказала об этом разговоре между торговцем и погонщиком Хори. Тот лишь хмуро кивнул: «Знаю. Но если вырвать одну змею, испугаются другие. Лучше знать, где она ползает. Наблюдай и слушай.»

Чем ближе они подходили к Шарухену, тем мрачнее становились лица путников. На горизонте выросли зубчатые стены крепости, сложенные из тёмного камня. Они не казались добрыми воротами в другую землю. Они смотрели как каменная пасть.

Их встретили у ворот не правители, а стража с копьями и суровый комендант в гиксосском шлеме с конской гривой, но с египетским знаком на груди — показная лояльность. Его глаза, маленькие и пронзительные, обшарили каждый тюк, каждое лицо. На отце его взгляд скользнул равнодушно. На Ти — задержался. Не на лице, а на руках, всё ещё хранящих следы глины и порезов от резца.

— Ремесленник и... помощница? — спросил он, и в его тоне была насмешка.

— Дочь и руки отца, — чётко ответил Небамон, сделав шаг вперёд, прикрывая Тию. В его голосе впервые зазвучала не робость, а отеческая твердость.

Их разместили в гостевом квартале в постоялом дворе у самой городской стены. Воздух здесь пах иначе: дымом чужих благовоний, овечьим жиром и страхом. С башен доносился чуждый ритм барабанов.

Первая же ночь в Шарухене принесла не сон, а новые наблюдения. Рассматривая улицу в узкое окно, Тия увидела, как в темноте, вдоль стены, движется цепочка людей с тюками. Их встречал рябой сутулый погонщик. И среди тюков был один, который упав со спины мула, издал не глухой стук, а звонкий, металлический лязг.

Оружие. Оно уже здесь.

Она обернулась к спящему отцу, затем перебрала руками свое нехитрое снаряжение: амулеты, стилус и резец. Она приехала как глаза и уши. Но теперь, в этой каменной ловушке, ей нужно было не просто увидеть. Нужно было понять, что делать дальше и как узнать больше, не погубив себя и отца.

Первым делом она подумала оповестить Хори, которому доверяла. Иначе караван с «дарами» фараона может стать первой жертвой в новой, ещё необъявленной войне. А её рыжие волосы в этом городе могли стать не просто странностью, а знаком для тех, кто ищет «особое чад» для своих пророчеств — или козла отпущения для своих поражений.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. Три встречи Хатшетсут

Великая Царская Супруга Хатшепсут не правила. Она направляла. Это было тонкое, но фундаментальное различие, понятное каждому в сердце Фив. Её власть не была подобна грубой силе армии; она была подобна течению Нила — неумолимому, живому и исходящему от самого источника жизни. И источником этим была воля богов, с которой Хатшепсут говорила на одном языке.

Встреча первая: приватные покои фараона

Воздух гудел от мужской ярости. Тутмос II, её супруг и повелитель Двух Земель, метался, как раненый лев. В его руке был донесение с восточной границы.

— Они снова нарушили договор! Эти шакалы-гиксосы режут наш скот и смеются над стелами предков! — его голос гремел под расписным потолком. — Я устал от этих уколов. Пора раз и навсегда проучить их мечом и огнём!

Хатшепсут сидела неподвижно прямая, как стебель папируса, руки спокойно лежали на коленях. Она не перебивала, позволяя волне его гнева разбиться о скалу её молчания.

— Ты говоришь о большой войне, мой супруг и господин, — наконец заговорила она, и её голос, тихий и ясный, прорезал грохот его эмоций. — Войне, которая опустошит казну, которую мы два года наполняли. Войне, которая отнимет сыновей у их матерей и бросит их кости в пески Синая. Ради чего? Ради мести за несколько украденных коров?

— Ради чести! — выкрикнул Тутмос, ударив кулаком по столу.

— Честь, — повторила Хатшепсут, и в её глазах вспыхнул холодный огонь, — это не безрассудство. Честь — это оставить твоему сыну сильное, богатое царство, а не истощенную, озлобленную войной землю. Гиксосы сильны в крепостях, но слабы на воде и в дипломатии. Мыотрежем их от союзников, усилим наши порты, и их держава рассыплется как гнилой плод. Без крови наших воинов.

Она встала, и её белый калазирис, расшитый золотыми пчёлами, зашелестел. Она подошла к нему не как жена к мужу, а как визирь к фараону — с почтительностью, в которой сквозила холодная уверенность.

— Ты — Гор, воплощённый. Твоя воля — закон. Но даже Гор прислушивался к мудрости Тота. Дай мне год. Год на укрепление, на разведку, на... благочестивые деяния. Если через год твой гнев не остынет, а их наглость не утихнет, я сама буду благовониями освящать тёплые стремена твоей колесницы.

Тутмос смотрел на неё, и ярость в нём медленно сменялась сложным выражением — смесью досады, уважения и облегчения. Он даже не пытался противостоять женщине с её безупречной, железной логикой, подкреплённой заботой о его же царстве. Тутмос ссутулился, опустил голову и махнул рукой — жест не посто уступки, а колоссального облегчения и полного отстранения. Его честь была спасена её мудростью. Хатшепсут победила, не поссорившись и ввязавшись в противостояние с окружением фараона.

Встреча вторая: тенистый двор храма Амона

Верховный жрец Мауи склонился в церемониальном поклоне, но взгляд его, острый, как у ястреба, изучал её.

— Великая Супруга достаивает нас своим присутствием. Амон-Ра светит твоему пути.

— И твоему тоже, служитель Сокрытого, — ответила Хатшепсут. Их разговор тек, как ритуальный танец: о наводнении, о чистоте богослужений, о знамениях. И тогда, глядя на колоссальные статуи фараона у пилона, она мягко ввела свой ход. — Сердце моего господина, фараона Тутмоса II, тяготит мысль о войне. Но война — это смута, это хаос Исефет. Она отдаляет людей от богов. Я вижу сны... сны, где Амон жаждет не дыма сожженных городов, а сладкого дыма ладана из новых курительниц. Где его ладья плывет не по реке слёз, а по каналу, выкопанному руками благодарного народа.

Она сделала паузу, позволив жрецу вникнуть в суть. Менхеперра неуклюже склонился в поклоне.

— Я намерена, с позволения фараона, возвести для Амона новый обелиск. Не просто камень, но иглу, устремлённую к самому Ра, облицованное электрумом, чтобы его сияние ослепляло даже в Ливийской пустыне. И земли, что даруют хлеб для его алтарей, будут утроены. Чтобы ни один жрец не знал нужды в служении Величию.

Менхеперра замер. Обелиск? Три земли? Это была не просьба. Это был божественный обмен. Она покупала не его поддержку — она покупала *голос Амона*. И жрец прекрасно это понимал. Его лицо озарилось не жадностью, но благоговейным восторгом.

— Воля богов говорит твоими устами, дочь Амона, — прошептал он. — Храм услышал тебя.

Встреча третья: солнечная терраса святилища Хатхор

Жрица Ур-т Текхент, женщина с лицом, иссечённым морщинами мудрости и смеха, встретила её без церемоний, предложив финики и прохладное пиво. Здесь Хатшепсут была иной — менее царственной, более человеческой.

— Богиня любви, музыки и опьянения, — улыбнулась Хатшепсут, — должна бы больше радоваться миру, чем войне, не так ли?

— Хатхор радуется жизни, госпожа. А война — это смерть, — просто ответила жрица. — Твои визиты редко бывают лишь дружескими беседами.

— Ты права. Я пришла поговорить о красоте. О красоте, которую война может поглотить. Я хочу, чтобы храмы Хатхор по всему Та-Кемет сияли бирюзой и малахитом. Чтобы у её жриц были новые сарфы из чистого серебра, чей голос будет гнать прочь тьму. Чтобы в дни праздников народ пил сладкое вино из её даров. Для этого нужен мир. И процветание.

Ур-т Текхент долго смотрела на неё, а затем кивнула, будто заключила тихую сделку с самой богиней.

— Ты говоришь языком сердца, который понимает Хатхор. Жрицы будут молиться о мудрости для тронного зала. И о щедрости, что нисходит на её алтари.

Когда Хатшепсут покидала храмовый комплекс, солнце клонилось к закату, окрашивая песчаник в цвет крови и золота. Она за один день обезоружила гнев фараона, заручилась поддержкой могущественнейшего мужского клира и женской мудрости богинь. Она не угрожала. Она не приказывала.

Она *резонировала*.

Её сила была не во власти над людьми, а в безошибочном понимании струн, что двигали миром: прагматичный расчёт государства, духовные амбиции жречества, земные радости народа. Она настраивала эту сложную мелодию, и все — от фараона до простого земледельца — чувствовали, что, когда говорит Хатшепсут, говорит сама Маат, божественный порядок вещей. И против этого порядка, воплощённого в дочери, сестре, жене и матери фараонов, не пойдёт ни один смертный, ибо за ним стояла воля небес.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ. Свидетель

Холодный лунный свет, пробивавшийся сквозь деревянную решетку окна, упал на рассыпавшиеся из разорвавшегося тюка предметы. Они не звенели, как медные сосуды, и не глухо стучали, как бруски олова. Это был короткий, зловещий, металлический шелест и лязг.

Тия замерла, прикрыв рот обеими руками. Перед ее глазами в свете факелов были четко видны изогнутые силуэты: несколько хопешей, боевых серповидных мечей, и с десятков тяжелых наконечников для копий. Оружие. Не просто оружие — оружие гиксосов. Его характерную форму, столь отличную от египетских прямых мечей и кинжалов, она видела в Фивах у гиксосских стражников-перебежчиков.

Погонщик, что-то бормоча и озираясь по сторонам, начал судорожно сгребать смертоносный груз обратно в мешок. Он не был похож на гиксосу. Типичный египтянин, одетый в простой схенти и накидку с капюшоном, грубый и загорелый. Но оружие он вез на север, к границе, а не от нее. И делал это тайно, под покровом ночи.

Ледяная волна прокатилась от макушки до пят. Это, наверное, то, ради чего ее, маленькую, никому не заметную служанку, отлучили от привычной жизни во дворце и отправили в долгое, опасное путешествие.

Сердце забилося гулко и громко. Что же делать? Надо срочно оповестить царицу. Но как? Одноглазый хозяин постоянного двора? А вдруг и он замешан в измене. Этот погонщик наверняка не один. Скорее всего среди людей на этом постоялом дворе есть его сообщники. Возможно, и в других местах этого пограничного поселения. «Глаза и уши, только глаза и уши, — вспомнила она наказ царицы, данный ей наедине, в благоухающем ладаном полумраке личных покоев. — Ты — песчинка в пустыне. Никто не должен заметить, что песчинка смотрит».

Тия отпрянула от окна, прижалась спиной к прохладному от ночного воздуха краю деревянной лавки. Дыхание сбивалось, сердце бешено колотилось. Нужно было запомнить, сколько было мешков, какое оружие она видела.

Она снова рискнула выглянуть, прикрыв лицо краем темной занавеси. Погонщик уже почти все собрал. Он крепко затянул веревки на тюке, с силой вскинул его на спину осла. Животное неодобрительно фыркнуло от тяжести. Мужчина оглядел дорогу, и его взгляд скользнул по темным окнам постоянного двора. Тия инстинктивно отшатнулась, хотя знала, что в темноте ее не разглядеть. Послышалось негромкое цоканье копыт и шарканье сандалий. Он двинулся дальше, вслед за другими погонщиками, спешно растворяясь в ночной темноте.

Тия стояла неподвижно, пока звуки не затихли окончательно. Теперь в ней боролись два чувства: всепоглощающий страх и острое, жгучее любопытство разведчика, которому повезло. Она обязательно должна была кому-то рассказать об этом. Перед отъездом начальник стражи царицы Валар напутствовал ее и говорил, что она сможет рассказывать абсолютно все хрому человеку, который сам придет и назовет ее имя вместе с именем ее отца. Но когда он появится даже Валар не знал.

Мысль работала лихорадочно. Погонщики шли ночью, чего обычно никогда путешественники не делают, опасаясь разбойников и пережидая темноту, значит, их ночлег был где-то недалеко. Или, может быть, они хотели избежать встречи с дневными дозорными. Нужно было попытаться их выследить. Но одной? Это безумие.

Тия медленно вернулась на свой тюфяк, стараясь не потревожить других. Она притворилась спящей, но под веками у нее плясали отблески лунного света на стали хопешей. Этот человек вез оружие врага. Значит, на египетской земле, возможно, в ближайшем селении или в заброшенном храме, есть тайник. Или целая группа тех, кто готовится ударить в спину в случае войны или готовит другую кровавую беду.

Рассвет застал ее все еще с открытыми глазами. Когда караван стал собираться в путь, Тия помогла погонщикам грузить вещи. С отцом вместе она собрала все ритуальные фигурки и уложила в мешки заготовки. Хори она решила ничего не говорить, пока не проверит и не выяснит все сама. Внимательно наблюдая за остальными путниками, Тия пыталась уловить в их поведении хоть намек на тревогу или осведомленность. Но все были обычны, никто ничем не выделялся: торговец тканями ворчал на дороговизну корма для ослов, писарь потирал затекшую шею, семья земледельцев молча доедала лепешки...

Они снова двинулись в путь. Пыльная дорога вилась вдоль полусухого канала. Тия шла, опустив голову, но глаза ее постоянно смотрели по сторонам, выискивая следы ночного путника: свежий осколок керамики, обретенную веревку, необычный след. И она их нашла.

Недалеко от места ночлега, там, где тропа расходилась — основная шла на запад, к заставе, а менее наезженная петляла на север, к холмам, — она заметила четкий, еще не размытый утренним ветерком след небольшого ослиного копыта и рядом отпечаток сандалии с оборванным ремешком. Тот самый след.

Перед ней встал выбор. Идти с караваном, чтобы попытаться обнаружить врага рядом, если он есть. А если нет... Или сейчас, рискуя всем, свернуть с пути и попытаться узнать, *нечто такое*, о чем, возможно, придется пожалеть.

Надо было быстро принимать решение. Царица говорила: «Будь осторожна, как мышь в амбаре фараона». Но мышь, нашедшая зерно измены, должна следовать за ним, пока не найдет нору крысы.

Сделав вид, что поправляет сандалию, Тия незаметно отстала от каравана. Оглянувшись, чтобы убедиться, что никто на нее не смотрит, она резко свернула на малую тропу и скрылась за грядой камней.

Она была одна. С бутылкой воды из сушеной тыквы, лепешкой и заданием, которое могло стоить ей жизни. Дорога вела на холмы, где по обеим сторонам виднелись старые гробницы времен смут, а еще заброшенные каменоломни. «Идеальное место для тайника, – подумала Тия.

Тропа поднималась то вниз, то вверх. Солнце становилось все жарче. Страх постепенно уступил место сосредоточенной решимости. Ей было велено быть глазами, и теперь эти глаза видели дорогу, по которой шла измена.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ: Тропа к тайнику

Заброшенная, каменистая тропа вилась между сухими кустами тамариска и глыбами известняка, обожженными солнцем до белизны. Тия шла довольно медленно, внимательно улавливая звуки. Вот прошуршала по песку ящерица, вот вскрикнул низко пролетающий стервятник, а вот просвистел ветерок между камнями. Девочка подумала, что расстояние от постоянного двора до этого заброшенного места не такое уж и большое. Она даже не устала. И если тайник где-то здесь, то заговорщики не сильно заботились о его сохранности. Или были уверены, что никто не станет тут его искать, или же добраться до мечей и копий им необходимо было очень быстро.

Она двигалась не по самой тропе, а параллельно ей, прячась за глиняными и каменными надгробиями. Наставления Валара сейчас всплывали в памяти четкими правилами: «Тень – твой союзник. Камень – твой щит. Солнце – враг, ибо выдает движение». Она изредка делала несколько глотков теплой воды из фляжки, но пила мало, не зная, сколько еще идти.

Дорога шла все время в гору. И вот, впереди, где холмы как бы нависали над тропой и начинался спуск, она почувствовала движение. И еще следы недавнего присутствия тех, кого она искала: свежий, еще темный помет животного и скомканную тряпицу, которой, вероятно, вытирали пот. А чуть дальше, за поворотом, открывался вид на небольшой, полуразрушенный карьер. Когда-то здесь добывали камень для какого-то скромного строительства, а затем забросили. В дальней стене карьера зияли черные проемы нескольких штолен – искусственных пещер.

Тия залегла в тени желтого камня, затаив дыхание. Она подалась вперед и увидела перед входом в одну из штолен, самой широкой, стояли три навьюченных осла. «Если бы хотели оружие спрятать, то тюки бы сняли с ослов», — подумалось Тие. Рядом, в скудной тени уступа, сидели двое мужчин. Один из них – тот самый погонщик. Он сбросил капюшон и сидел в своем неопрятном схенти, обмахиваясь широкой ладонью. Второй был одет чище, его платье из тонкого полотна и широкий дорогой пояс выдавали в нем человека богатого, может быть, купца или чиновника невысокого ранга. Они о чем-то тихо, но оживленно беседовали.

«Не просто тайник, – сообразила Тия, – Это место передачи».

Она не могла разобрать слов, но видела жесты. Погонщик указывал на тюки, а второй мужчина, кивая, достал из складок своей одежды небольшой, туго набитый кошель и вручил ему. «Плата за измену», – подумала Тия.

Покупатель подошел к ослам и быстрым, уверенным движением начал ощупывать тюки, проверяя содержимое. Его профиль на мгновение оказался повернут к солнцу, и Тия смогла рассмотреть его лицо: узкое, с острым подбородком и аккуратной бородкой. Это лицо она запомнила бы из тысячи. Человек, покупающий оружие гиксосов в глухом карьере, – не мелкая сошка. Это наверняка человек со связями, деньгами и возможностями.

Необходимо было уходить прямо сейчас. Тия узнала намного больше, чем планировала, эта информация была в тысячу раз ценнее первоначальной догадки: место, лица, процесс. Но что-то удерживало ее на месте. Жажда узнать больше. А что, если сейчас придут другие? Кому этот богач будет передавать оружие?

Она замерла, вжимаясь в камень. И не зря.

Сверху, по краю карьера, послышался сдержанный оклик. Из-за скалы вышли еще двое. Они были одеты как простые кочевники, но по выправке, по осанке, по тому, как двигались и оглядывали пространство, Тия сразу определила – воины. Не египетские. Лица, волосы, перехваченные кожаными шнурами, заплетенные в тугие косы, характерный изгиб кривых кинжалов за поясом. Гиксосы.

Сердце Тии упало и замерло. Вот он, прямой контакт. Измена обретала плоть и кровь. Богач-египтянин почтительно склонил голову, жестом приглашая их осмотреть товар. Гиксосы

подошли к ослам, не спеша развязали один из тюков. Стальной блеск хопеша на мгновение ослепительно сверкнул в солнце. Один из воинов что-то сказал своему товарищу на гортанном, чуждом языке и кивнул, явно довольный.

Дальше произошло то, чего Тия боялась больше всего. Проверив товар, гиксосы отдали какие-то приказы. Богач и погонщик начали торопливо разгружать осла и относить тюки внутрь штольни. Оружие скорее всего не будет здесь лежать. Его будут забирать. Возможно, даже этой же ночью.

Мысли метались. Что же делать? Пограничный пост далеко, караван ушел вперед. Она одна в этой каменной ловушке.

И в этот самый момент один из гиксосов, тот, что повыше, обернулся и его взгляд, отточенный на бескрайних равнинах и в стычках с патрулями, скользнул по краю карьера. Он остановился на том месте, где лежала Тия. Не на ней самой – ее скрывала тень и неподвижность, – а на ее тыкве-фляжке с водой, которая, выскользнув из-под складок платья, лениво перекачивалась взад-вперед от порывов ветра.

Мгновение – и его глаза сузились. Он что-то резко сказал своему напарнику и указал пальцем прямо в ее сторону.

Выбора не осталось. Она вскочила и бросилась бежать назад по тропе, не разбирая дороги, спотыкаясь о камни, чувствуя, как горячий воздух рвет горло. Сзади раздались окрики и все ближе стал доноситься мерный монотонный топот сильных ног. За ней гнались два сильных воина. Шансов убежать практически не было.

Преимущество Тии было в том, что она знала дорогу. Но гиксосы были бывалыми воинами, привыкшими к долгой охоте. Они не кричали, просто преследовали, и звук их быстрых, тяжелых шагов с каждым мгновением становился все ближе и отчетливее.

Тропа вывела ее на край небольшого обрыва, под которым петляло высохшее русло реки. Скатиться вниз – значит выдать себя полностью и оказаться в ловушке. Оставаться наверху – быть настигнутой.

Тия оглянулась. Ближайший преследователь был уже в двадцати шагах, его рука тянулась к кинжалу. В его глазах светилась холодная, деловая решимость.

И тогда она вспомнила еще один урок, данный не военным инструктором, а старой прачкой во дворце, смеясь учившей девчонок, как уворачиваться от надоедливых стражников: «Когда тебя зажали в угол, ты как дикая кошка бросайся не *от* опасности, а к ней, под ноги!»

Тия сделала вид, что собирается прыгать вниз, резко замахнувшись рукой. Гиксосы инстинктивно затормозили, готовясь к броску вниз за ней. Девочка рванулась не от них, а прямо на одного из воинов. Проскользнув в волоске от его пальцев, она бросилась обратно к карьере — туда, откуда только что бежала. Манёвр сбил преследователей с толку. Они на мгновение замешкались, но этого было достаточно.

У развилки она выбрала не открытую тропу, а нырнула в узкую щель между скалами. Вверх, на плато. Камни рвали кожу, платье цеплялось за камни, но боль не чувствовалась. Только сердце, бьющееся где-то в горле.

Выбравшись наверх, она замерла. Вжалась в камень и затаила дыхание, глядя вниз.

Двое гиксосов промчались мимо, по основной тропе, даже не взглянув вверх. Они решили, что она побежала прямо.

Тия позволила себе выдохнуть, дрожа всем телом. Она получила передышку, но надолго ли. Теперь уж она точно знала слишком много. И люди в карьере теперь тоже знали, что у их тайны есть ненужный свидетель. Они будут искать его и охотиться на него. И оружие начнут перепрятывать немедленно. Тайник перенесут в другое место, более охраняемое и тщательнее засекреченное. А ее описание – юная египтянка, служанка – разлетится по всем ушам изменников между границей и Фивами.

Она больше не могла броситься вдогонку за караваном. В одиночку в степи не выжить. Ей нужно было исчезнуть и найти способ донести информацию до Фив. Единственный способ пройти мимо врагов – пойти им навстречу. Значит, она должна вернуться в крепость на постоянный двор. Кто-то, связанный с Хатшепсут должен с ней встретиться.

Лежа на раскаленном камне под безжалостным солнцем, Тия впервые за всю эту страшную погоню почувствовала не страх, а яростную, отчаянную решимость. Они думали, что охотятся на испуганную мышку. Они ошибались. Они разбудили дикую кошку, верную Хатшепсут. И у этой кошки были когти и долгая память. Она запомнила лицо богача. И она дойдет до дома, чтобы рассказать о нем. Во что бы то ни стало.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ: Уроки теней

(Воспоминание)

Боль от содранных коленей, прерывистое дыхание, палящий камень под щекой – всё это отступило на мгновение. Вместо раскаленного воздуха карьера Тия вдруг ощутила прохладную свежесть покоев царицы. Не в фиванском дворце, а в храме Амона на западе Фив, где Хатшепсут часто уединялась для размышлений. Запах ладана, лотоса и влажного известняка.

Она поправляла угол роскошного ковра из Пунта. Солнечный луч, пробивавшийся сквозь узкое окно, пылил в воздухе, освещая тонкие затейливые рисунки, вытканые золотом. Царица шла из своих покоев для омовения в дворцовый бассейн в сопровождении двух служанок.

– Встань, дитя моё, – голос, как всегда, был спокоен, мелодичен. – Оставь ковёр. Подойди ко мне.

Тия поднялась и приблизилась к остановившейся госпоже, остановившись в трех шагах. Царица смотрела на неё не как на служанку, а как глину на гончарном круге. Её взгляд был легок и в то же время пронизателен.

– Ты знаешь, почему я выбрала тебя среди других? – спросила Хатшепсут, не ожидая ответа. – Не только за ловкие руки и тихие шаги. А за твои глаза. Они видят. Большинство смотрит, но не видит. Они скользят по поверхности, как вода по масляной коже. Твои же – цепляются. Запоминают.

Она подошла к резному столику, на котором стоял кувшин с водой. Одна из служанок тут же налила в бронзовый кубок. Хатшепсут взяла его, но не пила, лишь следила, как свет играет лучиками на поверхности жидкости.

– Враги не носят табличек на груди, Тия. Они носят маски друзей, преданных слуг, смиренных просителей. Их оружие – не мечи, которые можно увидеть в ножнах. Их оружие – слово, намёк, подброшенная ложь, украденная печать, монета, переданная в нужную ладонь в нужный час.

Царица поставила чашу и медленно сплела пальцы.

– Поэтому твоё оружие – внимание. Наблюдай не за тем, что человек говорит тебе, а за тем, что он говорит другим, когда думает, что ты не слышишь. Следи не за его лицом, а за его руками. Желания выдают себя суетой пальцев, потиранием ладоней, невольным движением к кошельку или кинжалу. Гнев прячется в сжатых челюстях, когда губы улыбаются. Страх – в слишком частом моргании.

Она подозвала Тию ближе, и её шёпот стал тише шелеста папируса.

– А свои желания, дитя моё, свои мысли и страх – ты должна спрятать глубже, чем фараоны прячут свои сердца в подземных чертогах. Твоё лицо должно быть гладким, как вода в бассейне в безветренный день. Твои глаза – отражать то, что хотят увидеть другие: простоту, покорность, легкий испуг глупенькой девчонки. Пусть они недооценивают тебя. Это твоя сила.

Хатшепсут медленно двинулась дальше, ладонью позвав за собой Тию, и тень от её фигуры на мраморном полу удлинилась, слившись с другими тенями.

– Ты будешь моими глазами там, куда не могу посмотреть я. Ты будешь песчинкой, которую ветер занесёт в двери во вражеском доме. Песчинка мала, её не замечают. Но если знать, куда смотреть, по песчинке можно понять, откуда дул ветер и что он несёт.

Она внезапно улыбнулась, и в этой улыбке была не материнская ласка, а холодноватая уверенность мастера, передающего инструмент.

– И помни: самый опасный зверь – не тот, что рычит в лицо, а тот, что молча идёт по твоим следам, сливаясь с ночью. Будь умнее зверя. Будь самой ночью.

...Резкий крик реальной птицы над карьером вернул Тию в настоящее. Дрожь в теле утихла. Стиснутые зубы разжались. Она медленно поднялась, оглядываясь уже не с паникой загнанного зверька, а со спокойным пониманием событий, которому учила её царица.

«Пусть они недооценивают тебя. Это твоя сила».

Они искали испуганную беглянку. Они будут прочесывать тропы, искать в ущельях. Они не будут искать её здесь, так близко к месту передачи, там, откуда она, по их логике, должна была бежать без оглядки.

«Будь самой ночью».

Тия стряхнула песок с платья, спрятала флягу глубоко в складки ткани. Она обошла плато, нашла тенистый карниз под нависающей скалой, откуда был виден вход в карьер. Она устроилась там, слившись с камнем, как ящерица. Её лицо стало бесстрастным. Глаза, широко открытые от ужаса минуту назад, теперь сузились, впитывая детали: сколько людей вышло из штольни, в каком направлении ушли гиксосы, куда делись богач и погонщик.

Тия отныне не простая, напуганная служанка, она стала надоедливой песчинкой, занесённой ветром в самую сердцевину заговора. И теперь эта песчинка обрастала другими песчинками знаний, каждая из которых стоила дороже золота. Урок царицы, данный в прохладе царских покоев, начали приносить плоды в пыльном аду пограничья. Охота только начиналась. Но теперь у охотницы были полностью открыты глаза, чтобы видеть, и свободный разум, чтобы понимать.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ: Связной

Дорога назад до Шарухена и знакомого постоянного двора заняла у Тии почти два дня. Передвигаться она решила только по ночам. Она шла не по караванным тропам, а по высохшим руслам, оврагам, что значительно замедляло движение. Переночевать пришлось один раз в расщелине скалы. Питалась она остатками высохшей лепешки и

немногочисленными съедобными побегами, встречающимися в степи. Воду Тия набрала во фляжку один раз в мелком ручье, посчитав, что этого должно хватить на всю дорогу. Её платье превратилось в грязные лохмотья, лицо и руки были исцарапаны, губы потрескались от солнца. Но внутри не было паники — лишь осознанная, выверенная осторожность да память о побеге в карьере. Каждый звук обдумывался, каждое движение, вплоть до горизонта, замечалось. Она снова была любопытной песчинкой.

На закате второго дня, смешавшись с толпой мелких торговцев и погонщиков Тия добралась до знакомого постоянного двора. Её вид не вызывал вопросов — таких оборванцев, бегущих от нужды или неприятностей, здесь видели каждый день. В целях предосторожности она обвязала голову куском материи, спрятав волосы, и обошла крепость, чтобы войти снова с той же стороны, с которой заходила в первый раз, с караваном. Крепость представляла собой шум-

ное и днем, и ночью, неприятное место на перекрестке трех дорог. Помимо обычных путешественников и торговцев здесь всегда было полно всевозможных проходимцев и аферистов. Так было и сейчас.

Стараясь не привлекать внимания, Тия упростила хозяина постоялого двора, уже знакомого ей нудного старика с одним глазом, позволить ей переночевать в углу конюшни в обмен на чистку стойл. Запах навоза и лошадиного пота был для нее сейчас слаще любых благовоний — он означал относительную безопасность и крышу над головой.

Ночь она провела чутко, прижавшись к теплему боку спящего лохматого пса, рука всю ночь сжимала рукоять острого резца. Снова вспоминались слова царицы: *«Твоё лицо должно быть гладким, как вода... Пусть все недооценивают тебя»*. Она изобразила усталое, безразличное выражение, подняла удивленно брови, чтобы никто не заметил ее беспокойных мыслей. Кто здесь враг? Может ли хозяин быть подкуплен? Не заметил ли её кто из путников?

По утренней прохладе наступившего дня, вынося отходы из конюшни, она заметила нового путника.

Мужчина старше средних лет, одетый как писарь средней руки в простой, но чистый лён, деревянная трость в руке. Он сидел в тени навеса, на противоположной стороне улицы, неторопливо ел лепёшку с зеленым луком и наблюдал за двором. Его взгляд скользнул по ней, по её грязным ногам и потрепанному платью, и не задержался ни на секунду. Идеально. Именно так должен смотреть равнодушный посторонний.

Но Тия заметила другое. Как его глаза, казалось бы, рассеянные, на самом деле методично осматривали каждого входящего и выходящего. Как его пальцы, разминавшие лепёшку, двигались не просто так, а отбивали лёгкий, едва уловимый ритм по глиняной кружке. Знакомый ритм. Тия про себя пропела его — это был один из дворцовых сигналов, означавший «бдительность» и «ожидание».

Он был здесь из-за неё.

Она не подала виду, продолжила мести навоз, сердце заколотилось где-то в горле. Наконец-то. Но можно ли ему доверять? Там в карьере она видела египтянина-предателя с обычным деловым лицом чиновника. Этот человек тоже мог быть одним из них. А значит, нужна была проверка.

Днём у колодца было пусто. Мужчина в одежде писца неторопливо наполнял флягу. Тия возилась с ведром неподалёку.

Когда их локти почти соприкоснулись над срубом, он произнёс вполголоса, не глядя на неё:

— Пыльная дорога от белого утёса.

Пароль. Она едва заметно кивнула и так же тихо ответила:

— После дождя пыли почти не было.

Он сделал глоток из фляги и повесил ковш на место. На мгновение повисла тишина. Затем мужчина склонился поправить сандалию — или сделать вид? — и его шёпот коснулся её уха:

— Отец-каменотёс Сенмут шлёт тебе благословения... Просит беречь пальцы для тонкой работы.

Тия застыла. Сердце пропустило удар. Имя Сенмут... Ошибка? Или проверка?

У неё не было отца-каменотёса. Её отец, мастер Небамон, ушел с караваном и своими фигурками уджат дальше. Об этом знали очень немногие во дворце. И имя «Сенмут»... Великий зодчий, ближайший соратник царицы. Использовать его имя как прикрытие — было либо верхом наглости, либо признаком высочайшего доверия со стороны самой царицы. Но мужчина не обязательно должен был знать её настоящей истории. Никто, кроме Хатшепсут и, возможно, её самого доверенного советника.

Это означало одно из двух: либо перед ней человек, получивший информацию из самых сокровенных тайников власти, то есть настоящий агент царицы. Либо... это враг, которого враги наделили информацией об истинной причине её появления в крепости. И теперь этот враг пытается выманить сведения, сыграв на сокровенном.

Мужчина, видя её молчание, медленно выпрямился. В его глазах не было угрозы, только напряжённое ожидание. Он рисковал не меньше её.

Тия вспомнила лицо царицы. *«Их оружие – слово, намёк, подброшенная ложь»*. Она должна была проверить. Рискнуть.

Она подняла на него глаза, изобразив слабую, растерянную улыбку девчонки, которой польстило внимание.

— Благодарю за добрые слова, господин, – сказала она громче, чтобы слышали потенциальные уши. – Но отец мой скромный ремесленник, а не каменотёс. Вы, должно быть, перепутали меня с другой девочкой.

Она внимательно следила за его реакцией. Нервный взмах рукой, злость, досада — и она будет знать, что это враг.

Но мужчина лишь едва заметно выдохнул, и в уголках его глаз появились крошечные морщинки облегчения. Он кивнул, делая вид, что смущён.

— Прошу прощения, дитя. Видимо, память подвела. Конечно, ремесленник. Мастер Небамон. Он очень гордится твоим умением видеть красоту в дереве и камне и находить узоры в простых линиях.

Это был правильный ответ. Кодовое подтверждение. Он знал правду и не ждал, что она её скроет, проявив излишнюю осторожность. Она прошла его проверку так же, как он прошёл её.

— Пусть будет легким ваш путь, — сказала Тия, как обычная служанка, поднимая своё ведро.

— Держись тени, пока солнце высоко, — так же просто ответил он, но эти слова для них двоих означали: «Будь осторожна».

Он развернулся и неспешно хромая и помогая себе тросточкой, пошёл к своему ослу, как будто случайный разговор окончен.

Тия отнесла воду в конюшню, сердце стучало так громко, что, казалось, его могли слышать все. Теперь у неё был настоящий союзник. И у неё были сведения, которые жгли изнутри, которые хотелось выбросить из головы, отдав кому-то раз и навсегда. Она знала, что должна передать ему всё: о каменном карьере, об оружии, о гиксосах, о лице предателя. И она осознала, что с этого момента её поездка становится не просто разведкой, а превращается в охоту. И охотница – она. И на кону была не только её жизнь, но и безопасность царицы на троне и безопасность самой страны, лишь недавно обретшей мир и покой.

Она снова была песчинкой. Но теперь у песчинки появился ветер, указывающий путь домой, в Фивы. И она чувствовала, как его порывы меняются, неся с собой запах грозы.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ:

Пчелиная тайна и полый стилус

После мимолётной встречи у колодца время для Ти́и замедлилось. Каждый день, проведенный в постоялом дворе в ожидании каравана, был испытанием. Она продолжала работать в конюшне за еду и ночлег, пропитываясь лошадиными запахами и потом. Уже четыре дня. И ничего не происходило. Иногда лошадь постояльца оказывалась слишком строптивой, иногда сам ее не слишком выдержанный владделец. Или хозяин постоялого двора на ночь подсылал к ней в конюшню таких же бесприютных путников, которые часами могли рассказывать о своей незадавшейся жизни. Но её мысли были заняты одним: как все, что она видела и знала, передать повелительнице, не упустив ничего важного и не нагромоздить лишнего. Абсолютно все казалось важным и нужным.

Она не искала новой встречи с хромым человеком из Фив, да, и он, видимо, тоже. Такая встреча могла быть еще и опасна. Тия не раз замечала странных людей в крепости, которые и одеты были не как местные, и говор у них был гортанный, что выдавало в них жителей севера. Такие люди появлялись неожиданно и исчезали так же – в никуда. Пара таких постояльцев даже оказывались соседями Ти́и по ночлегу на сене в конюшне. Один всю ночь храпел, а второй беспрестанно приставал с пустыми разговорами. Девочка притворялась спящей в обоих случаях, лишь бы не разговаривать с ними.

Тия обдумывала способ отправки сообщения для царицы еще до прибытия каравана. Рассказать она не могла никому. Любые слова могут быть подслушаны, забыты или искажены. Нужно было что-то другое. У Ти́и несмотря на все приключения и невзгоды в глубоком кармане платья лежали фигурки пчел и шакала — частичка её таланта и надежды. А еще бронзовый стилус – подарок Хатшепсут – ее оберег.

На пятую ночь, пробравшись в самый далекий и тёмный угол наваленного в конюшне сена, она положила на дощечку перед собой бронзовый стилус. При тусклом свете Луны, она соскоблила со стены небольшой комок глины, смочила ее и скатала три шарика. Примерив шарики к стилусу, удостоверилась, что они легко войдут в его полое тело.

Девочка довольно долго и кропотливо трудилась, чтобы слепить из этих шариков крошечные три фигурки. Получились точно такие же три пчелы, какие были у нее. Только очень маленькие и не раскрашенные черно-желтыми полосками. Пчела — символ Нижнего Египта, но для Ти́и сейчас это означало «заговор». Три пчелы — три зла: гиксосы (чужеземцы), египтянин-богач (предатель внутри) и его люди-поставщики (погонщик). Она аккуратно спрятала фигурки сушиться в самый далекий угол подоконника.

Затем она взяла сухую веточку дерева и освободила ее от кожицы. Проверила войдет ли она внутрь стилуса, немного подточила для уверенности и начала усердно на ней царапать своим резцом.

Она придумывала свои знаки и царапала их резцом на веточке. Первым получился круг. Таким образом Тия решила обозначить карьер. Он был заключен в треугольник – это была гора. Рядом появилось изображение осла на тонких ножках с длинными ушами. «Уж осла-то ни с кем не спутаешь», — подумала она. Третий символ девочка царапала особенно долго. Получился профиль человека с остrokонечной бородкой (богач) и отдельно — изогнутая линия хопеша. Последним красиво получился символ, похожий на полосатый веер — знак 14 нома (области) в Нижнем Египте, лежащего к северо-востоку от Шарухена, известного своими связями с торговцами из Азии. Столицей этого нома был город Аварис и проживали там в основном мятежные гиксосы.

Тия в тусклом свете Луны оценила свой труд – получилось великолепно. Царица обязательно поймет смысл ее послания. А фигурка Анубиса останется пока с ней.

По ее замыслу вместе с пчелками это была совершенно понятная и, к тому же, красивая карта, а еще отчёт и указание, всё вместе. Расшифровать было совсем просто, особенно тому, кто знал о чем, в принципе, может идти речь: «Тайник с оружием гиксосов в карьере, передан предателю (вот его примета), возможно, связан с номом Полосатого Веера. Заговор трёх сторон».

Тия похвалила себя за сообразительность и достойную работу, спрятала все шпионские принадлежности в ямку под сеном и быстро уснула.

На следующее утро, едва Тия открыла глаза, ее уже ожидало крайне неприятное событие. Во дворе двое рослых мужчин стреноживали сильно уставших лошадей. Они громко разговаривали о том, как «товар» на севере сильно подешевел. Слишком много было войн и походов. Эти двое с неприкрытым интересом оглядывали молодых служек и одиноких путников. Работоторговцы. Их глаза, холодные и оценивающие, несколько раз останавливались на Тие. Её возраст, одиночество и отсутствие защиты делали её идеальной добычей.

Чувство страха, острое и неизбытое, кольнуло её. Но паника для нее была роскошью. Вместо того чтобы забиться в угол, Тия использовала их внимание себе на пользу. Она нарочно стала суетливой, роняя ведро, спотыкаясь, показывая всю свою «неуклюжесть и простоту». Когда один из торговцев грубо окликнул её, чтобы спросить о хозяине, она изобразила такую немоту от испуга и такую деревенскую несообразительность в ответах, что тот лишь брезгливо махнул рукой. «Дурная, да ещё и неуклюжая.хлопот с ней больше, чем прибыли». Это сработало. Они потеряли к ней интерес. Урок царицы о маске никчемности снова сослужил службу.

После того как ей, как товаром, перестали интересоваться, Тия подошла к лошадям работоторговцев и принялась натирать им ноги травой. Оставался последний штрих для решения задачи наполнить и передать стилус. Что она и поспешила сделать, едва насыпав ячмень в кормушки.

Затаившись за стогом сена, Тия переломила у основания стилус и извлекла из него тончайший папирус с оттиском печати Хатшепсут. Она не читала, не рассматривала его, а быстро спрятала в приготовленную выемку в фигурке Анубиса, завернула в платок и убрала в карман. Высохшие малюсенькие пчелки отправились друг за другом внутрь стилуса. Туда же Тия просунула и исцарапанную резцом веточку. Залепив глиной отверстие, девочка отправилась искать хромого седовласого мужчину в сторону колодца.

Она нашла его у дальнего забора соседнего постоянного двора, тянувшегося в сторону западных ворот. Вокруг как прилепленные друг к другу располагались мелкие лавки и ночлежки. Это был не самый богатый уголок крепости. Теперь на нем был лишь темный схенти и неизменная трость. Левая рука была перемотана белой тряпицей, которую используют при переломах и ушибах. Хромец не смотрел на нее и что-то рассматривал на копыте своего осла. Казалось, что хромота он стал еще сильнее, с большим усилием припадая на большую ногу.

Тия дождалась момента, когда хромец остался совсем один и кинулась собирать разбросанную и прибитую ветром солому вдоль забора. Она не спеша, с большой охапкой соломы в руках, приблизилась. Мужчина надолго остановил свой взгляд на девочке. Она уронила почти половину собранной соломы и свой тряпочный узелок с пожитками. Стилус как живой описал дугу и воткнулся в песок рядом с ногой мужчины. Засуетившись из-за своей «неловкости», она собрала вещи, суетливо похватав всё, кроме стилуса, и отступила назад, кланяясь и бормоча извинения.

Мужчина взмахнул ладонью, мол, убирайся, склонился поправляя сандалию и поднял стилус. Понадобилось лишь одно мгновение, чтобы стилус исчез в складке его схенти.

Тия продолжала пятиться задом к небольшой площадке, повернув за которую можно было увидеть ее конюшню. Она больше не смотрела в сторону хромого седовласого мужчины, зачем-то наклоняясь и собирая упавшую солому. Она смотрела в другую сторону, где стоял и пристально за ней наблюдал тот самый сутулый погонщик из карьера. Тия, повернувшись к нему спиной, пошла от него прочь. Войдя в ворота постоянного двора, она бегом влетела в конюшню, накинула на голову серую ленту широкой ткани, укрыв под ней волосы и спряталась в глубине стога сена. И не зря. Буквально через несколько мгновений в проеме ворот показался погонщик. Он разглядывал все, что находилось во дворе и внутри за окнами. За этим занятием его и застал одноглазый хозяин постоянного двора. Последовал очень невежливый обмен любезностями, после чего погонщик удалился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.